

*Для всех,
кто различает оттенки,
лежащие между светом и тьмой*

Добро всегда несет в себе зло,
зло всегда несет в себе добро.
Вопрос в том,
чему мы придаем больше значения.

Останется ли добро добром,
если ради него нам придется сделать
что-то плохое?
И останется ли добро добром,
если приведет к недобрым последствиям?
Какие границы существуют,
насколько они тонки и –
перешагнули ли бы вы их?

Что бы вы решили?

1

Мила

Некоторые вещи лежат по ту сторону понимания. В них нельзя поверить, пока не переживешь, не ощутишь на собственном опыте.

Именно через это сейчас проходила Мила. Она знала, что не такая, как все. Она знала про свою инаковость, про свое проклятье, но никогда и представить себе не могла, как плохо все обстоит на самом деле — или как плохо все еще может обернуться.

Теперь она жалела, что искала ответ недостаточно упорно, пока ее мама еще была жива. Быть может, тогда она давно уже избавилась бы от этого проклятья...

Ложь. Это была ложь. Пустые мечтания. Она пыталась убедить себя в этом, но по-прежнему была уверена, что на самом деле этого никогда бы не произошло.

В конце концов, ничто из этого уже не имело значения — никакое «когда», никакое «если», никакое «бы», никакое «могла» ничего бы для него уже не изменило.

Мила оказалась в плену, привязанная к стулу в неизвестной ей комнате, из которой она не могла выйти. Она была измотана, и только боль не давала ей заснуть. Она

повисла на своих путях, изо всех сил пытаюсь сдержать рыдания. Хотя Ролана и Керима не было здесь и они на какое-то время оставили ее с Райей в покое, она не хотела доставлять им удовольствие, так открыто демонстрируя свою слабость. Нет, она не выдаст своего отчаяния, своего страха, своих слез. Еще нет... пока еще нет.

Даже если ей будет очень трудно.

«Ашер», — подумала она, и его имя едва не сорвалось с ее потрескавшихся губ. Мила слышала его слова — в своих мыслях. Тихие. Мягкие и одновременно убедительные. Они действительно прозвучали — в этом она была уверена. Хотя до этого она не пыталась целенаправленно отправить ему мысленный вопрос, не пыталась применить свою силу. Как это возможно? Мила не знала. Есть вещи, которые невозможно осмыслить в одночасье. Для того, что жило в ней — для ее проклятья, ее таланта, — не существовало инструкции по применению. Она пока что даже не подобрала для него подходящего имени, которое могло бы его описать, потому что чем больше Мила узнавала, тем меньше понимала. Звучит безумно, но это именно так. Чем сильнее Мила чувствовала свою силу, тем меньше она понимала, кто она такая на самом деле и что таится в ней. Границы, благодаря которым ее жизнь еще сохраняла какую-то форму, искажались и размывались, с каждой секундой расплываясь все больше.

«Ашер, где ты?» Снова и снова она мысленно повторяла это предложение, отправляя его в никуда.

Безответно. Ни единого звука. Только эхо слов, которые он произнес тогда: «Я с тобой. Держись».

Прозвучали ли они на самом деле? Или это тоже самообман? Ложь? Кроме этих слов, ей больше не за что было зацепиться.

Она сердито фыркнула, но получился скорее хрип.

Похищенная. Беспомощная. Раненая. Униженная — она ненавидела это ощущение и не хотела покоряться ему. И все-таки каждому, кто способен быть сильным, позволено иногда быть и слабым. Она понимала, что не должна этого стыдиться, но ничего не могла с собой поделать.

Мила просто не могла поверить в то, что происходило у нее на глазах. Только из-за нее Райя оказалась здесь и теперь страдала. Ее мучения были ужасны. По чьему-то заказу Ролан и Керим похитили их — и Мила в безрассудной ярости погрузилась в холод, невольно выпустив на волю свою силу. Теперь Ролан не отступится. Он обращался с ними как с принадлежавшим ему товаром, и это выводило Милу из себя.

Кому могло понадобиться ее купить? Тариэлю? Он оказался настолько подлее, чем она о нем думала? Мила в тысячный раз спрашивала себя, как она могла оказаться такой слепой.

Она опустила глаза, посмотрела вниз, а затем снова подняла взгляд. Воспаленная рана на ее бедре все еще горела огнем. Слабое золотистое свечение окружало порез, который своим ножом нанес ей Ролан. Он этим наслаждался. Но то, что они увидели, оказалось неожиданным: не для него одного: красно-золотистая кровь. От стекавших по ноге капель крови остались следы. Со временем кровотечение остановилось, но боль никуда не делась.

«Наполовину Вечная, наполовину смертная». Вот что сказал Ролан. Могло ли это быть правдой? Крепко зажмурившись, она сосредоточилась на дыхании.

— Мила? — тихо донеслось сбоку. Райя была в полубессознательном состоянии, ее силы почти иссякли. Путы, которыми ее связали, поглощали ее магию и лишали ее возможности сопротивляться. Теперь такие же

веревки удерживали и Милу. Тогда, омерзительно улыбаясь, Керим за несколько секунд обмотал ее руки еще одной веревкой, крепко затянув. Пальцы Милы теперь совершенно онемели, а боль в запястьях превратилась в фоновую мелодию, которая постоянно звучала, не прекращаясь ни на секунду.

— Мне жаль. — Мила не знала, сколько раз она уже прошептала эти слова за то время, пока они находились здесь. И хотя с каждым разом она осознавала это все непреложнее и сильнее, звучали они все тише и тише. Теперь она была способна лишь монотонно повторять их себе под нос. Возможно, потому, что тяжесть слов уже почти сломила ее.

— Это не твоя вина. Мила, посмотри на меня.

Только через несколько секунд она осознала, о чем просит Райя, и тогда приоткрыла глаза, а затем слегка приподняла голову. При этом она старалась не задерживаться взглядом на ранах, покрывавших лицо подруги. Пути делали ее смертной. Пока она связана ими, в ней больше от человека, чем от Вечного. По крайней мере, Ролан именно так объяснил им, на что способна его игрушка. Губы Райи потрескались, над правым глазом виднелся длинный порез, волосы были спутаны, а кожа приобрела болезненный цвет. Она попыталась изобразить улыбку, и ее губы задрожали.

— Мы выберемся отсюда. И тогда мы отправим этих двоих идиотов далеко и надолго! — прошипела она.

Мила едва не рассмеялась. Райя еще не растеряла боевой дух, хотя по ее виду этого не заметно.

— Я должна тебе кое-что сказать. — Мила поморщилась, попытавшись сглотнуть. Пересохшее горло неопишимо горело. — У меня... Я... — Как ей все объяснить? Что, если их подслушивают? Мила подозревала об этом. Иначе пришлось бы предположить, что эти двое глупее,

чем кажутся. — Я тут кое о чем подумала... и получила ответ.

Как бы Мила ни изворачивалась, она понятия не имела, как сообщить это Райе, не произнеся главного вслух. Она надеялась, подруга догадается, что она имеет в виду. Та наморщила лоб, и Мила отчетливо поняла, что Райя напряженно размышляет. Мила подождала — ей показалось, будто прошла почти что вечность, — и затем начала заново:

— Райя, я мысленно сказала себе, и...

В этот момент глаза Райи расширились — настолько, насколько это было возможно в ее состоянии. Мила увидела — теперь она поняла.

— Этого не может быть, — запинаясь, тихо произнесла Райя. — Это невозможно.

— Это произошло — в моих мыслях. — Хотя Мила говорила искренне, она сама с трудом верила своим словам. Ведь она услышала ответ лишь однажды. Когда-то она уже общалась с Ашером таким образом, но в полной мере не понимала, как это все работает.

— Нет. — Райя слегка почала головой. — У всего есть свои пределы. — Она пристально посмотрела на Милу — со смесью задумчивости и сочувствия. — Мне бы хотелось, чтобы это было иначе, — добавила она. Мила не желала ей верить. Она глубоко вдохнула, уже собираясь что-то возразить, но тут дверь комнаты открылась.

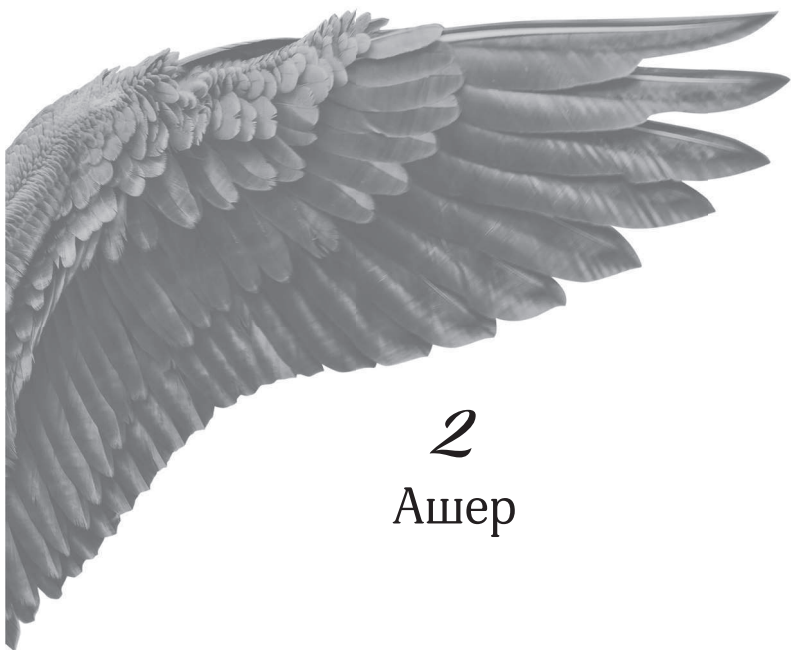
— Надеюсь, вы хорошо отдохнули.

Ролан сменил свой костюм на более непринужденный — черную шелковую рубашку, джинсы и темные кроссовки. Потирая пальцами подбородок, он подошел к Миле и внимательно посмотрел на нее. Мила испытывала отвращение, когда он проходил по ней взглядом. Словно касался ее. Его довольная ухмылка казалась ей омерзительнее, чем когда-либо, и она охотно расцарапала бы ему

АВАРИД

лицо, если бы только смогла освободиться от пут. Мысль об этом поддерживала ее, не давая потерять сознание. И еще Мим с Паном. Как бы сильно ей ни хотелось рассказать о ней Райе, она не могла рисковать: иначе Ролан заметит ее браслет, поймет, что сокрыто в камнях, из которых он сделан. Нет, Мила не могла позволить себе потерять Мим и Пана.

— Керим, пожалуйста, сядь рядом с Райей. Сейчас я хотел бы в спокойной обстановке заняться нашей очаровательной полусмертной.

2 Ашер

Что-то внутри Ашера распалось на части — и сложилось заново, превратившись в нечто темное и опасное, во что-то, что начало разъедать его изнутри. Ворота, которые он не одну сотню лет держал закрытыми, распахнулись, и силы, которые были заперты за ними, вырвались на свободу. Из-за страха за Райю, его давнюю лучшую подругу, и тревоги за Милу, которую он лишь недавно нашел и не хотел потерять.

Даже сейчас, после того, как они решили попросить о помощи Элариана, отправиться в Нехеву, приняв на себя все последствия такого решения, в его душе бушевали ярость и гнев. Он сделает все необходимое. Да, сделает...

Когда Ашер увидел Милу впервые, что-то пробудилось в нем. Любопытство, притяжение, восхищение. Постепенно Мила проникла в его темное сердце.

Любовь. Глубокая привязанность. Не сказать, что Ашер всегда избегал этих чувств, но он предпочитал держаться от них на расстоянии. Считал, что подобные эмоции — лишь слабость. То, что пробивает твою защиту и превра-